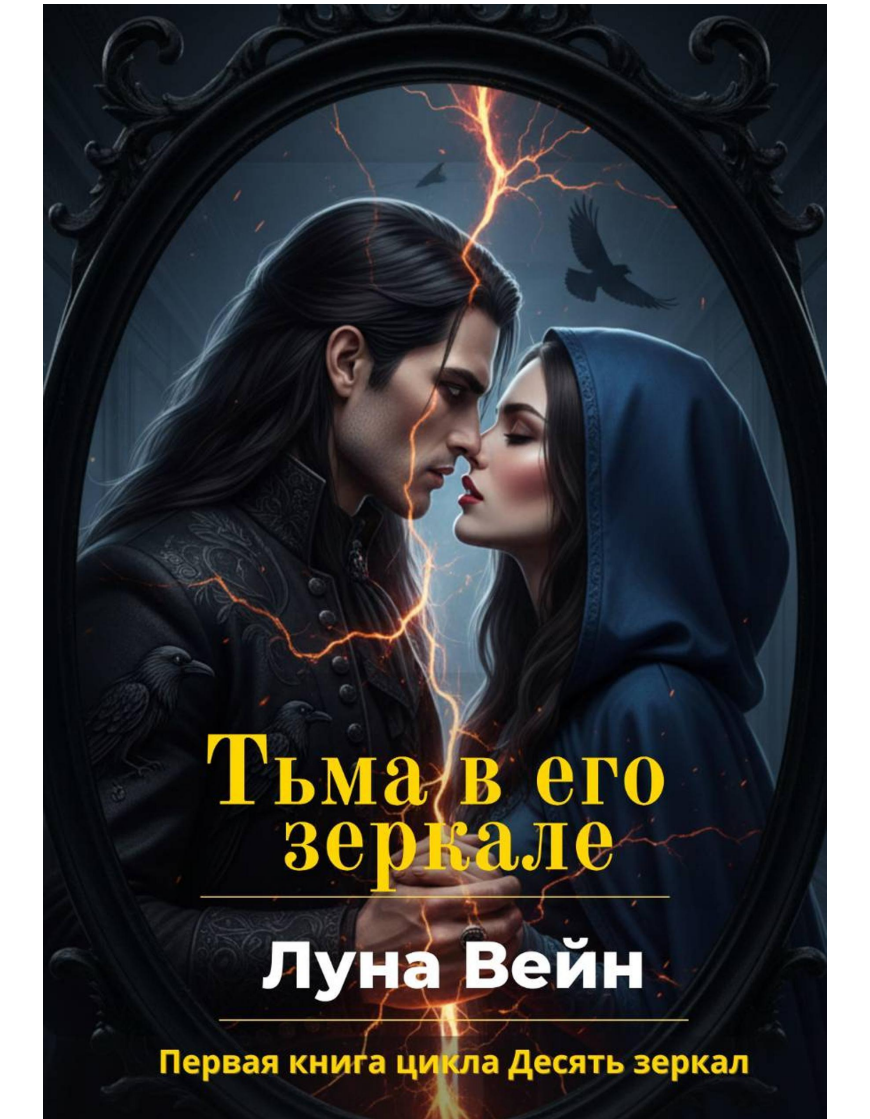

Тьма в его зеркале

Луна Вейн

Первая книга цикла Десять зеркал

Луна Вейн

Тьма в его зеркале

<https://litres.ru/73460444>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ли́ра Вейл чистит проклятые зеркала Эриданта и знает главное правило своего ремесла: никогда не входить в стекло. Но в особняке на улице Сломанных Зеркал она касается зеркала голой рукой — и оказывается внутри.

Там её ждёт Эриан Ворн. Холодный, насмешливый, запертый в стекле семь лет назад женщиной, которой он обещал вечность.

Закон зеркала прост: двое могут прожить в нём семь ночей. Каждую ночь стекло испытывает их страхом, гневом, стыдом, желанием. На седьмом рассвете откроется дверь. Но выйдет только один.

Он поклялся не прикасаться к ней, пока она сама не попросит. Она поклялась не называть его по имени. Обе клятвы окажутся труднее, чем казалось.

А снаружи считает рассветы та, кому нужна вовсе не свобода Эриана. Ей нужна кровь Вейлов.

Первая книга цикла «Десять зеркал».

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Зеркало без отражения	9
ГЛАВА 2. Правила стекла	26
ГЛАВА 3. Сделка	40
ГЛАВА 4. Гнев	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Луна Вейн

Тьма в его зеркале

ПРОЛОГ

В ту ночь луна над Эридантом была красной, и Селеста считала это хорошим знаком.

Старые зеркальщицы говорили, что в красную луну стекло становится тоньше. Что граница между отражением и тем, кто в него смотрит, истончается до толщины волоса. Селеста не верила старым зеркальщицам. Она вообще мало во что верила. Но красная луна была красивой, а Селеста любила, когда важные вещи происходят красиво.

Сад дома Ворнов спал. Розы, которые Эриан сажал для неё три лета подряд, свесили тяжёлые головы над дорожками. Фонтан молчал. Только где-то в глубине сада, за живой изгородью, тихо звякали цепи.

Она шла на этот звук, придерживая подол серебристого платья, чтобы не намочить его в росе.

Эриан лежал на траве у старого зеркала. Того самого, в раме из чёрного дерева с резными воронами, которое его прадед сделал последним, за год до смерти. Зеркало вынесли в сад ещё днём, якобы для того, чтобы проветрить раму. Эриан сам помогал слугам его нести. Смеялся, говорил, что пра-

дед, наверное, перевернулся в гробу от такого неуважения.

Сейчас он не смеялся.

Серебряные цепи, тонкие, как нитки, светились на его запястьях и щиколотках. Их ковала мастерица из Нижнего города, и стояли они больше, чем весь этот сад. Цепи для зеркальщиков. Цепи, которые не рвутся ни силой, ни словом.

Он повернул голову и увидел её.

— Селеста, — сказал он. Очень спокойно. Как будто она опоздала к ужину. — Беги. Здесь кто-то...

И осёкся. Потому что увидел, что она не бежит. Что она стоит над ним в своём серебристом платье, с осколком зеркала в руке, и не бежит.

Селеста смотрела, как меняется его лицо. Сначала непонимание. Потом догадка. Потом то, ради чего, наверное, и стоило всё это затевать: последний, отчаянный проблеск надежды, что он ошибся.

— Ты обещала, — сказал Эриан тихо. — Вечность. Вместе.

Селеста присела рядом с ним на корточки. Аккуратно, чтобы платье легло красиво.

— Я помню, любовь моя, — сказала она. — И я сдержу слово. Только вечность будет у меня. А у тебя будет зеркало.

Она подняла осколок. Длинный, узкий, с острым, как бритва, краем. Она откалывала его от мастер-зеркала Ворнов три месяца, по крупинке, по ночам, пока Эриан спал в соседней комнате. Три месяца. Ни разу не порезалась.

— Ты знаешь, что твой прадед сделал десять таких? — спросила она, разглядывая осколок на просвет. Красная луна плавала в нём, как вишня в бокале. — Десять мастер-зеркал. Каждое способно удержать в себе человека. Не тело, тело — это мусор. Душу. Боль, страх, любовь, ярость. Всё, что делает человека живым. И всё это можно пить, Эриан. Медленно. Глоток за глотком. Годами.

Она улыбнулась ему.

— Знаешь, сколько мне лет?

Он не ответил. Смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Пятьдесят один, — сказала Селеста. — А выгляжу я на двадцать пять. И буду выглядеть на двадцать пять, когда твои внуки... ах да. У тебя не будет внуков.

Она приставила осколок к его груди. Туда, где под белой рубашкой билось сердце. Быстро, неровно. Она чувствовала это через стекло.

— Мне очень жаль, — сказала она. И, как ни странно, в этот момент действительно чуть-чуть жалела. Он был хорошим. Слишком хорошим. Хорошие люди всегда так вкусно страдают.

Осколок вошёл в его грудь легко, как ключ в замок.

Крови не было. Было другое. Из раны потянулась тьма, густая, как дым над пожарищем, и зеркало в чёрной раме вдруг перестало отражать сад. Стекло потемнело, поплыло, задышало. Тьма из груди Эриана потянулась к нему, как вода к стоку. А следом за тьмой потянулся он сам.

Последнее, что Эриан Ворн увидел в этом мире, была её спина. Серебристое платье, светлые волосы, уложенные в высокую причёску. Она уходила по садовой дорожке и ни разу не обернулась.

Зеркало вздохнуло и затихло.

В нём снова отражался сад. Розы, фонтан, красная луна. И пустая трава, на которой только что лежал человек.

Из-за живой изгороди вышел мужчина. Высокий, сутулый, в тёмном плаще. Лицо его было серым. Он смотрел на зеркало и не мог отвести глаз.

— Он жив? — спросил лорд Кассандр Ворн хрипло.

— Конечно, — сказала Селеста, натягивая белые перчатки. Сначала левую, потом правую, расправляя каждый палец. — Мёртвые невкусные.

— Ты обещала мне Ивлин.

— Обещала. — Селеста подошла к нему и поправила воротник его плаща. Заботливо, как поправляют воротник старому, больному отцу. — И ты её получишь, Кассандр. Когда я соберу остальные. Твоя жена в одном из зеркал. Я знаю, в каком. Я просто пока не знаю, где оно.

Она отступила и посмотрела на сад. На розы. На зеркало с воронами.

— Пусть стоит в доме, — сказала она. — В главном зале. Не продавай, не закрывай тканью, не разбивай. Корми его иногда.

— Чем?

Селеста улыбнулась.

— Тем, чем кормят все зеркала. Людьюми, которые в них смотрят.

Она ушла, не прощаясь. На выходе из сада остановилась на мгновение у фонтана. Посмотрела в тёмную воду. Оттуда на неё взглянула молодая женщина с безупречной кожей и холодными серыми глазами. Отражение моргнуло. На полмгновения позже, чем она сама.

Селеста этого не заметила. Она давно перестала замечать такие вещи.

— Одно есть, — сказала она своему отражению. — Осталось девять.

ГЛАВА 1. Зеркало без отражения

Дождь над Эридантом шёл третьи сутки, и Лира Вейл была уверена, что это личное.

Он начался в тот самый вечер, когда она поклялась себе взять неделю отдыха. Лил, пока она отказывала двум клиентам. Лил, пока она пересчитывала деньги в жестяной коробке из-под чая и понимала, что отказывать третьему не может. И лил сейчас, когда она стояла под козырьком чужого особняка на улице Сломанных Зеркал, с мокрым подолом и плохим предчувствием.

— Ещё не поздно уйти, — сказала она двери.

Дверь промолчала. Тяжёлая, дубовая, с бронзовым молотком в форме вороньей головы. Ворон смотрел на Лиру с таким выражением, будто знал о ней что-то неприличное.

— Двойная плата, — напомнила себе Лира. — Аванс уже потрачен. На крышу. И на сапоги Пипа.

Она подняла молоток и постучала. Дважды.

Улица Сломанных Зеркал получила своё название лет двести назад, когда здесь жили мастера-зеркальщики. Тогда на каждом углу стояли мастерские, и из окон по утрам летело битое стекло, а по вечерам лилась музыка. Мастера разо-рились, мастерские закрылись, а битое стекло осталось. Им до сих пор был посыпан каждый палисадник. Когда светило солнце, улица сверкала, как река. В дождь она просто хру-

стела под ногами.

Особняк Ворнов стоял в самом конце улицы. Последний из старых домов, ещё не проданный под лавки и доходные квартиры. Три этажа серого камня, узкие окна, крыша, на которой сидели вороны. Настоящие, мокрые, нахохленные. Лира насчитала одиннадцать.

Дверь открылась без единого скрипа.

На пороге стоял слуга. Немолодой, гладко выбритый, в чёрном сюртуке, застёгнутом до самого горла. Лицо у него было такое неподвижное, словно его вылепили из свечного воска и забыли раскрасить.

— Госпожа Вейл, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Она самая. Зеркальная ведьма, четвёртая категория, лицензия Коллегии номер двести семь. — Лира стряхнула воду с капюшона прямо ему на начищенные ботинки. Слуга не шелохнулся. — Мне сказали, у вас зеркало, которое плохо себя ведёт.

— Лорд Кассандр ждёт вас в главном зале. — Слуга отступил в сторону. — Прошу не задерживаться. Его светлость не любит ждать.

— Его светлость позвал меня в девять вечера в такой ливень, — сказала Лира, проходя мимо него. — Пусть привыкает.

Внутри пахло старым деревом, пылью и ещё чем-то. Сладковатым, металлическим. Так пахнет в мясной лавке после закрытия. Лира остановилась в прихожей, втянула носом

воздух и нахмурилась.

Так пахли зеркала, в которых кто-то пропал.

Она поставила сумку на пол, присела и, не обращая внимания на слугу, достала из бокового кармана мешочек с солью. Соль семи ветров, крупная, серая, с примесью пепла. Тётя Мираэль покупала её только у одной старухи в порту и говорила, что вся остальная соль годится только для супа. Лира насыпала тонкую дорожку поперёк порога. Ровно, от косяка до косяка.

— Что вы делаете? — спросил слуга. В его восковом голосе впервые прозвучало что-то живое. Раздражение.

— Привычка, — сказала Лира, затягивая мешочек. — Если я выйду отсюда, а соль будет нетронута, значит, всё в порядке. А если тронута...

— Тогда что?

Лира подняла на него глаза.

— Тогда кто-то из этого дома вышел вместо меня.

Слуга ничего не ответил. Только развернулся и пошёл по коридору, не оглядываясь.

Коридор был длинным, с высоким сводчатым потолком. Света почти не было: под потолком висели три тусклых магических шара, и все три мигали, как будто им тоже хотелось спать. На стенах темнели портреты. Мужчины и женщины в старомодных костюмах, с одинаково острыми скулами и одинаково светлыми, почти прозрачными глазами. Под каждым портретом медная табличка. Ворн. Ворн. Ворн. Ворн.

Ли́ра шла мимо и чувствовала, как они на неё смотрят.

Одного портрета не хватало. Между пожилой дамой в кружевном чепце и мужчиной с охотничьей собакой на стене осталось пустое место. Прямоугольник обоев чуть светлее остальных. Медная табличка под ним была сорвана. Остались только четыре дырки от гвоздей.

Ли́ра замедлила шаг.

— Здесь кто-то висел, — сказала она.

— Племянник его светлости, — ответил слуга, не оборачиваясь. — Его портрет убрали.

— Почему?

— Он уехал.

— Куда?

Слуга остановился у высоких двустворчатых дверей. Взялся за медные ручки.

— Далеко, — сказал он. И распахнул двери.

Главный зал был огромным и пустым. Пыль лежала на полу ровным серым ковром, и на этом ковре не было ни одного следа. Зачехлённые кресла вдоль стен стояли, как привидения на балу, которых никто не пригласил танцевать. Камин потух так давно, что в нём выросла паутина. С потолка свисала хрустальная люстра, тусклая, в чехле из пыли.

У высокого окна, спиной к залу, стоял человек.

Высокий, сутулый, в тёмно-зелёном домашнем халате поверх рубашки. Седые волосы, стриженные коротко, по-военному. Он смотрел в окно, на дождь, и не обернулся, когда

открылись двери.

— Вы опоздали на семь минут, госпожа Вейл, — сказал он.

— Из-за дождя, — сказала Лира. — И из-за вашей соседки снизу. Она решила, что я пришла её грабить, и травила меня собакой.

— У госпожи Фенн нет собаки.

— Тогда это была очень большая кошка.

Лорд Кассандр наконец обернулся.

Когда-то он, наверное, был красив. Сейчас лицо его было похоже на лезвие, которое слишком долго пролежало в воде: всё ещё острое, но изъеденное ржавчиной. Глубокие складки у рта. Тёмные круги под глазами. И глаза. Светлые, почти прозрачные. Глаза Ворнов с портретов в коридоре.

Он смотрел на Лиру долго, внимательно. Не так, как смотрят на прислугу или мастера, которого вызвали прочистить дымоход. Так смотрят на лошадь, которую собираются купить.

— Вы очень похожи на мать, — сказал он наконец.

Лира почувствовала, как у неё холодеет затылок.

— Вы знали мою мать?

— Встречал. Однажды. Много лет назад. — Лорд Кассандр отвернулся к окну. — Она чистила зеркало в доме моей знакомой. Очень талантливая была женщина. Очень жаль, что всё так вышло.

Лира стиснула ручку сумки. Десять лет. Десять лет люди

говорили ей это «очень жаль», и каждый раз ей хотелось ударить говорящего.

— Где зеркало? — спросила она.

Лорд Кассандр кивнул в дальний конец зала.

— Там. Только, госпожа Вейл... — Он помедлил. — Оно не отражает.

— Ничего?

— Ничего. Ни зал, ни свет, ни людей. Уже несколько лет. Я хочу, чтобы оно снова работало. Или хотя бы... — Он замолчал. Пальцы его сжали подоконник.

— Хотя бы что?

— Хотя бы перестало смотреть.

Лира подняла бровь.

— Смотреть?

— Вы поймёте, когда подойдёте. — Лорд Кассандр снова повернулся к ней. — Я заплачу вдвое, если вы управитесь до полуночи.

Втрое. Лира быстро посчитала в уме. Втрое — это новая печь в мастерскую. Это долг аптекарю за кровь лунной совы. Это зима, когда не придётся брать каждый заказ подряд, даже самый гнилой.

Это то, что тётя Мираэль называла «слишком хорошо, чтобы быть правдой».

— Договорились, — сказала Лира.

Она пошла через зал. Её каблуки оставляли в пыли чёткие следы. Первые следы, понятно, за много лет. Она шла и

считала шаги, как учила Мираэль. Двадцать. Двадцать один. На двадцать третьем она увидела его.

Зеркало стояло в самом конце зала, у глухой стены, под отдельным, давно погасшим светильником. Высокое, выше человеческого роста. Рама из чёрного дерева, тяжёлая, резная. По раме летели вороны. Десятки воронов, вырезанных так искусно, что Лире на мгновение показалось, будто они шевелят перьями. Один ворон, на самом верху, сидел, повернув голову, и смотрел вниз, на того, кто подходит к зеркалу. В глазницы ему были вставлены два крошечных осколка обсидиана.

Лира остановилась в двух шагах.

В стекле отражался зал. Пыльные кресла, потухший камин, люстра в паутине. Высокое окно и сутулая фигура лорда Кассандра у окна. Её собственные следы в пыли, тянущиеся через весь зал.

Следы были. А её не было.

Она стояла прямо перед зеркалом, а зеркало показывало пустое место. Следы обрывались ровно там, где стояли её сапоги. Дальше была пыль. Нетронутая.

Лира очень подняла руку.

В зеркале ничего не шевельнулось.

— Ну здравствуй, — сказала она тихо.

Стекло было не совсем прозрачным, если смотреть внимательно. В его глубине, за отражением зала, клубилось что-то тёмное. Не чёрное. Тёмное, как вода в глубоком колодце,

когда наклоняешься над ним ночью. Оно двигалось. Медленно, лениво, как дым над трубкой. И Лира поняла, о чём говорил лорд Кассандр.

Тьма в стекле смотрела на неё. Не глазами. Всем собой. Как смотрит кошка из темноты подвала: ты её не видишь, но кожей чувствуешь, что она там.

Лира поставила сумку на пол. Присела на корточки. Открыла.

Руки двигались сами, привычно. Мираэль заставляла её повторять это сотни раз, с завязанными глазами, пока движения не врезались в пальцы. Соль. Круг, сначала по часовой, потом против. Серебряный нож в центр круга, лезвием к зеркалу. Пузырёк с кровью лунной совы, пробка, тихий хлопок. Три капли на левую ладонь. Кровь была тёплой. Она всегда была тёплой, сколько бы пузырёк ни пролежал в сумке. Мираэль говорила, что это потому, что лунные совы никогда не умирают до конца.

Потом Лира достала из внутреннего кармана плаща блокнот.

Потрёпанный, в кожаной обложке, перевязанный бечёвкой. Страницы пожелтели, а некоторые пошли волнами, потому что Мираэль имела привычку читать его в ванне. Почерк у тёти был мелкий, острый, с наклоном влево. Лира открыла блокнот на первой странице, которую знала наизусть, но всё равно перечитывала перед каждой работой.

«Правила.

Первое. Никогда не касайся проклятого стекла голой рукой, пока не узнаешь его имя.

Второе. Никогда не обещай ничего тому, кто внутри.

Третье. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за какие деньги не входи в проклятое зеркало.

Если нарушишь третье, первые два тебе уже не понадобятся».

Лира закрыла блокнот. Убрала обратно в карман.

— Имя твоё? — спросила она у зеркала, проводя окровавленным пальцем по раме. По крыльям вырезанных воронов. По тёмному, отполированному сотнями рук дереву.

Тишина.

Обычно они отвечали. Не словами, конечно. Шёпотом, дрожью стекла, внезапным холодом на коже. Каждое проклятое зеркало хотело, чтобы его назвали. Как бездомный пёс хочет, чтобы его позвали по кличке.

Это молчало.

— Хорошо, — сказала Лира. — Не хочешь говорить, не надо. Тогда я сама дам тебе имя. Пока ты будешь просто Зеркало Ворна. По фамилии хозяев.

В глубине стекла что-то дёрнулось.

Совсем чуть-чуть. Как дёргается человек во сне, когда кто-то рядом громко произносит его имя.

Лира замерла.

— Ворн, — повторила она медленно. — Тебе это знакомо?

Тьма в стекле поднялась. Медленно, из глубины, как поднимается со дна утопленник. Она приблизилась к самой поверхности. Прижалась к стеклу изнутри. И Лира вдруг ясно, совершенно отчётливо увидела в ней очертания. Ладонь. Человеческую ладонь, растопыренные пальцы, прижатые к стеклу изнутри.

Как будто кто-то по ту сторону хотел, чтобы его выпустили.

Лира перестала дышать.

За десять лет работы она видела всякое. Зеркало вдовы Маргары, которое плакало чернилами. Трюмо в борделе у порта, которое показывало каждому клиенту его покойную мать. Карманное зеркальце, в котором сидела злая девочка и кусалась. Она вытаскивала тени из стекла, как вытаскивают занозы. Быстро, аккуратно, с солью и кровью.

Но тени не прижимали ладони к стеклу. Тени не хотели выйти. Тени хотели, чтобы ты вошла.

Это было что-то другое.

— Кто ты? — прошептала Лира.

Ладонь в стекле медленно сжалась в кулак.

И разжалась снова.

Лира почувствовала, как у неё по спине бежит холод. Не страх. Хуже. Узнавание. Она уже видела такое. Однажды. Десять лет назад, в маленьком доме на окраине Эриданта. Золотая рама. Ладонь, прижатая к стеклу изнутри. Мамина ладонь, с тонким серебряным кольцом на безымянном пальце.

«Мы ждали снаружи. Час. Два. Три».

Нужно было уходить. Сейчас же. Собрать соль, сложить нож, вежливо извиниться перед лордом Кассандром, вернуть аванс и уйти под дождь, на улицу Сломанных Зеркал, домой, в мастерскую, где Пип наверняка снова спалил ужин.

Нужно было уходить.

А Лира смотрела на ладонь в стекле. И думала о том, что десять лет назад она тоже стояла перед зеркалом. И тоже не сделала ничего. Только смотрела. А потом убежала.

Стандартная процедура: коснуться стекла кончиками пальцев через ткань перчатки. Почувствовать, где именно застряла тень. Насколько глубоко. Насколько она голодна.

Через перчатку. Всегда через перчатку. Правило первое.

Лира стянула перчатку с правой руки.

Сама не поняла, зачем. Пальцы просто сделали это. Как будто кто-то потянул за нитку.

— Я только посмотрю, — сказала она. Себе. Тёте Мираэль. Ладони в стекле. — Только посмотрю, кто ты.

Она протянула руку и коснулась стекла.

Оно было тёплым.

Не холодным, как положено зеркалу в нетопленном зале. Тёплым, как кожа. Как человеческая ладонь, к которой прижимаешь свою.

Лира почувствовала, как пальцы ложатся точно на те, другие пальцы, по ту сторону. Палец к пальцу. Ладонь к ладони. И в тот же миг тьма рванулась ей навстречу.

Мир перевернулся.

Её дёрнуло вперёд, как будто кто-то схватил за запястье и потянул с нечеловеческой силой. Стекло подалось под рукой, стало мягким, вязким, как мёд, и рука ушла в него по локоть. Лира закричала и упёрлась ногами в пол. Каблуки скользнули по пыли. Соль из круга разлетелась серыми брызгами.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, нет, нет!

Она рванулась назад всем телом. Бесполезно. Её тянуло внутрь, медленно и неотвратно, как тянет в омут. Плечо. Шея. Холодное стекло коснулось щеки, и щека тоже начала тонуть.

Последнее, что она увидела в зале, было лицо лорда Кассандра.

Он стоял у окна. Не двигался. Не бежал к ней на помощь. Не звал слуг. Просто стоял и смотрел. И на лице его была не злоба и не торжество.

Усталость. Бесконечная, серая, как этот дождь за окном.

— Прости, девочка, — сказал он. Очень тихо, но она услышала. — Мне правда очень жаль.

А потом всё исчезло.

Лира падала.

Вокруг была тьма. Густая, бархатная, пахнувшая старым вином и железом. Она не видела ничего. Не слышала ничего. Даже собственного крика. Падала долго, так долго, что успела подумать о Пипе, который будет ждать её к ужину. О

соли на пороге, которую никто не тронет. О тётё Мираэль, которая сказала бы сейчас: «Я же тебе говорила, бестолочь».

Или падала одну секунду. Время здесь, кажется, не имело никакого значения.

А потом ноги ударились о что-то твёрдое.

Лира упала на колени. Ладони шлёпнули о гладкую, холодную поверхность. Она стояла на четвереньках, хватая ртом воздух, и воздух был густым, тяжёлым, с привкусом металла на языке.

Она подняла голову.

Пол под ней был зеркальным. Чёрное стекло, отполированное так, что в нём отражалась она сама: бледная, растрёпанная, с мокрыми волосами, прилипшими к щекам. А дальше, во все стороны, до самого горизонта, если у этого места был горизонт, простирался зал. Бесконечный зал из стекла. Стены, колонны, арки, лестницы, уходящие вверх и вниз, коридоры, сворачивающие в никуда. Всё отражало друг друга, бесконечно, многократно, и в каждом отражении была она. Тысячи Лир на коленях посреди тысяч стеклянных залов.

Только не все из них стояли на коленях.

Лира поняла это не сразу. Её отражение в ближайшей колонне смотрело на неё. Прямо на неё. И не повторяло её движений. Когда она моргнула, отражение не моргнуло. Когда она поднялась на ноги, отражение осталось сидеть на полу, обхватив колени руками.

И улыбнулось.

— Не смотри на них слишком долго, — сказал голос у неё за спиной. — Им это нравится.

Лира резко развернулась.

В трёх шагах от неё стоял мужчина.

Высокий, худощавый, в старомодном камзоле из чёрного бархата, с серебряной вышивкой на обшлагах. Вышивка изображала воронов. Чёрные волосы падали на плечи, слегка спутанные, как будто он давно перестал за ними следить. Лицо бледное, с острыми скулами. Те же скулы, что на портретах в коридоре. Та же порода. Только глаза были другие. Не светлые, как у лорда Кассандра. Тёмные, цвета грозового неба, с серебристыми искрами в глубине.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё сверху вниз. Без злости. Без удивления. С тем ленивым, холодным интересом, с каким смотрят на насекомое, случайно залетевшее в комнату. Посмотрят, а потом прихлопнут.

— Добро пожаловать, — сказал он. Голос у него был низкий, с лёгкой хрипотцой, как будто он давно ни с кем не разговаривал. — Ты, кажется, заблудилась, маленькая ведьма.

Лира выпрямилась. Ноги дрожали. Сердце колотилось где-то в горле.

— Я не маленькая, — сказала она. — И не заблудилась.

— Правда? — Он чуть наклонил голову. — Тогда, видимо, ты пришла сюда нарочно. Это гораздо интереснее.

— Кто ты?

Он сделал шаг вперёд. Один. Медленно.

И все отражения вокруг повторили этот шаг. Все тысячи отражений, во всех колоннах и стенах. Только с опозданием. На полсекунды. Как эхо.

— Эриан Ворн, — сказал он. — Хозяин этого дома. Хотя, полагаю, наверху меня давно считают уехавшим.

Пустое место на стене в коридоре. Четыре дырки от гвоздей.

«Племянник его светлости. Он уехал».

«Куда?»

«Далеко».

— Ты, — сказала Лира. — Это ты. Ладонь на стекле.

Эриан Ворн едва заметно улыбнулся. Улыбка была холодной, тонкой, как порез бумагой.

— Я не звал тебя, если ты об этом.

— Ты прижимал руку к стеклу. Изнутри.

— Я делаю это каждый раз, когда кто-то подходит к зеркалу, — сказал он равнодушно. — Привычка. За семь лет вырабатываются странные привычки. Ты первая, кто решил прикоснуться в ответ. Без перчатки.

Он посмотрел на её правую руку. Голую, с засохшей кровью лунной совы на пальцах.

— Очень опрометчиво для ведьмы четвёртой категории.

Лира сжала руку в кулак.

— Выпусти меня.

— Не могу.

— Выпусти меня! — Голос сорвался на крик. Эхо подхва-

тило его и понесло по стеклянным коридорам, дробя, искажая, превращая то в детский плач, то в чей-то смех. — Меня ждут! Там соль на пороге! У меня ученик, ему четырнадцать лет, он спалит дом, если я не вернусь к ужину!

Эриан Ворн слушал её спокойно. Не перебивая. А когда эхо затихло, сказал:

— Здесь нет двери, маленькая ведьма. Ни для тебя, ни для меня. Дверь закрыта с той стороны. Семь лет назад. И ключ от неё унесли.

Он отвернулся и пошёл прочь. Не спеша, заложив руки за спину, как будто прогуливался по собственному саду.

— Идём, — бросил он через плечо. — Если останешься стоять здесь одна, они начнут с тобой играть.

— Кто?

Он не ответил. Только кивнул куда-то в сторону.

Лира посмотрела.

Её отражения стояли в каждой колонне, в каждой стене, в каждом осколке пола. Сотни отражений. И все они больше не повторяли её движений. Они просто стояли и смотрели на неё. Ждали.

А потом, все разом, как по команде, улыбнулись.

Лира подхватила с пола свою сумку. Она даже не помнила, как сумка оказалась здесь, рядом с ней. И пошла за ним.

Потому что больше идти было некуда.

А где-то далеко наверху, в пыльном зале особняка на улице Сломанных Зеркал, лорд Кассандр Ворн подошёл к зерка-

лу в чёрной раме. Посмотрел на рассыпанную соль. На серебряный нож, лежащий в центре разорванного круга. На перчатку, оброненную на пол.

Потом поднял взгляд на стекло.

В стекле отражался пустой зал. И впервые за семь лет в этом отражении, в самой глубине, за пыльными креслами, мелькнули два силуэта. Мужской и женский. Они уходили куда-то вглубь, всё дальше и дальше, пока не растворились во тьме.

Лорд Кассандр долго стоял неподвижно.

Потом подошёл к окну, взял с подоконника приготовленный заранее лист бумаги и перо. Написал несколько строк. Посыпал песком. Сложил вчетверо.

— Отнесите в Коллегию, — сказал он слуге с восковым лицом, который неслышно появился в дверях. — Лично в руки госпоже Председателю.

— Что-нибудь передать на словах, ваша светлость?

Лорд Кассандр посмотрел на дождь за окном.

— Скажите ей, что дверь закрылась, — сказал он. — Первый рассвет через семь часов.

ГЛАВА 2. Правила стекла

Он шёл быстро и ни разу не оглянулся проверить, идёт ли она следом.

Лира шла. Держалась в трёх шагах, не ближе и не дальше, как держатся за незнакомым псом, который пока не кусается. Сумка оттягивала плечо. Под ногами звенело чёрное стекло, и от каждого шага по полу расходились тонкие кольца света, как по воде от брошенного камня.

Коридоры здесь не подчинялись никаким правилам. Один шёл прямо, а потом вдруг оказывалось, что они спускаются, хотя пол оставался ровным. Другой поворачивал налево, и Лира могла поклясться, что они повернули направо. Лестница вела вверх, но, поднявшись на двенадцать ступеней, они очутились внизу, у её подножия, только с другой стороны. Лира перестала считать повороты после двадцатого. Мираэль говорила, что в проклятых зеркалах нельзя доверять ни глазам, ни ногам. Только счёту. А счёт здесь ломался, как сухая ветка.

Отражения шли рядом.

Она старалась на них не смотреть, но краем глаза всё равно видела. В каждой стеклянной стене шла своя Лира. Одна отставала на шаг. Другая обгоняла. Третья шла задом наперёд и смотрела ей прямо в лицо. Четвёртая плакала. Пятая держала за руку маленького мальчика в синей курточке.

На пятой Лира споткнулась.

— Не смотри, — сказал Эриан Ворн, не оборачиваясь. — Я предупреждал.

— Откуда ты знаешь, что я смотрю?

— Ты дышишь иначе, когда смотришь. Здесь очень тихо. Через пару дней ты тоже начнёшь слышать, как бьётся чужое сердце.

— Через пару дней меня здесь не будет.

Он ничего не ответил. Только чуть дёрнул плечом. Это могло означать что угодно. Лира решила, что это означало «посмотрим», и мысленно добавила ему ещё одну строчку в длинный счёт, который начала вести ещё на первом повороте.

Наконец он остановился.

Посреди стеклянного коридора стояла дверь. Обычная деревянная дверь, тёмная, с латунной ручкой, потёртой до блеска в том месте, где её касалась рука. Она стояла сама по себе, без стены вокруг. Просто дверь посреди ничего. С обеих сторон её можно было обойти.

Эриан повернул ручку. Дверь открылась.

За ней была библиотека.

Лира остановилась на пороге. Это была настоящая библиотека: тёплый тёмный паркет, высокие стеллажи до потолка, лестница на колёсиках, два глубоких кресла у камина, зелёная лампа на письменном столе. В камине горел огонь. Пахло деревом, кожей и воском. Такая библиотека могла бы

стоять в любом богатом доме на холме. Если бы не одно: огонь в камине не трещал. И не грел. Языки пламени двигались беззвучно и плавно, будто в воде.

— Это библиотека моего отца, — сказал Эриан. Он прошёл мимо неё и опустился в одно из кресел. Устало, как человек, вернувшийся домой после долгого дня. — Вернее, то, что я о ней помню.

— Ты её построил?

— Зеркало строит то, что ты помнишь достаточно хорошо. Через год я научился. Через два понял, что лучше бы не учился. — Он взял со столика у кресла бокал и графин. Налил. Вино было тёмно-красным, почти чёрным. — Выпьешь?

Лира не двинулась с места.

— Отравлено?

— Хуже, — сказал он. — Безвкусно.

Он отпил, поморщился и поставил бокал обратно.

Лира вошла. Прошла вдоль стеллажей. Корешки были настоящими: кожаные, с золотым тиснением, с названиями, которые она знала. «Трактат о природе отражений». «Хроники Эриданта». «Сонеты Аллории». Она вытянула наугад один том. Открыла.

На первой странице было напечатано: «Глава первая». И два абзаца текста. Красивым старинным шрифтом.

На второй странице было пусто.

На третьей тоже.

Ли́ра проли́стала до конца. Пу́стые страни́цы. Сотни пу́стых страни́ц, желтоватых, пахну́щих пы́лью.

— Я помню, как они выглядят, — сказа́л Эриа́н из своего кресла, глядя в беззвучный огонь. — Помню, где ка́кая сто́яла. Помню нача́ло. Дальше не помню. Я не дочита́л почти ни одну́ книгу в э́той библиоте́ке. Всё ду́мал, что успею́.

Ли́ра за́крыла кни́гу и поста́вила её на ме́сто. О́чень акку́ратно.

В груди у неё что-то неприятно сжалось. Она разо́злилась на себя за э́то. Че́ловек напро́тив то́лько что спо́койно смотре́л, как её тяне́т в сте́кло. Че́ловек напро́тив назва́л её ма́ленькой ве́дьмой. Жале́ть его из-за пу́стых кни́г бы́ло глупо́.

— Хорошо́, — сказа́ла она, развора́чиваясь. — Дава́й по де́лу. Где мы? Что э́то за ме́сто? И как отсю́да вы́йти?

Эриа́н посмотре́л на неё. Долго́, с тем же ле́нливым любопы́тством.

— Ты все́гда та́кая?

— Ка́кая?

— Де́ловая. Тебя́ то́лько что за́тянуло в прокля́тое зер́кало. Нормальные́ люди́ в э́тот мо́мент плачу́т. Или́ крича́т. Или́ хотя́ бы па́дают в обмо́рок.

— Я кри́чала, — сказа́ла Ли́ра. — Ты слы́шал. Не помо́гло. Те́перь я хо́чу поня́ть пра́вила. Ка́ждое зер́кало жи́вёт по пра́вилам. Да́же са́мое прокля́тое. О́собенно са́мое прокля́тое.

Что-то ме́лькнуло в его́ глаза́х. Серебри́стая и́скра в гро́-

зовой темноте. Почти уважение. Или почти насмешка. Лира пока не научилась различать.

— Садись, — сказал он, кивнув на второе кресло. — Это долго.

Она не села. Встала у камина, скрестив руки на груди. Огонь за спиной был холодным, как погреб.

Эриан пожал плечами.

— Это мастер-зеркало, — начал он. — Мой прадед сделал его последним. Мастер-зеркала отличаются от обычных так же, как дом отличается от картинки с домом. В обычном зеркале может застрять тень. Обрывок, кусок чьей-то боли или страха. Такие вы и чистите. В мастер-зеркале может жить человек. Целиком.

— Ты.

— Я. — Он кивнул. — У зеркала есть слои. Как у луковицы. Мы сейчас наверху, на самом тонком. Чем глубже, тем сильнее оно. Тем меньше в нём от зала Ворнов и тем больше от того, кто внутри.

— А потом?

— А потом сердце. — Он чуть помедлил. — Туда я не хожу.

— Почему?

Он посмотрел на неё так, что она не стала переспрашивать.

— Дальше. Здесь нет дня и ночи, но есть то, что их заменяет. Серые часы, когда свет ровный и ничего не происхо-

дит. И ночь. Ночью начинается прилив.

— Прилив чего?

— Голода. — Эриан взял бокал, повертел в пальцах и не стал пить. — Зеркало ест чувства. Не тела, тела ему не нужны. Страх, гнев, тоску, желание. Каждую ночь оно поднимается из глубины и пробует того, кто внутри. Каждую ночь одним чувством. Сегодня, полагаю, страхом. Всегда начинается со страха. Это самое простое блюдо.

Лира почувствовала, как холодеют пальцы.

— И что оно делает?

— Показывает. Делает так, чтобы ты почувствовал это так сильно, как только можешь. А потом пьёт. Если ты держишься, оно уходит до следующей ночи. Если не держишься... — Он кивнул в сторону стеклянной стены за дверью. Там, в коридоре, по-прежнему стояли её отражения. — Тогда ты становишься одним из них. Ещё одним отражением в стене. Которое улыбается.

Лира посмотрела на дверь. Потом на него.

— Ты держишься семь лет.

— Я держусь семь лет, — согласился он.

— Как?

Он улыбнулся. Той же тонкой, режущей улыбкой.

— Я очень, очень упрямый.

— А выход? — Лира шагнула к нему. — Ты сказал, двери нет. Но ты говоришь «семь лет», значит, ты что-то считаешь. Люди не считают, если им нечего ждать.

Он долго молчал. Слишком долго. Лира смотрела на его руки. На длинные бледные пальцы, сжимающие бокал. На то, как побелели костяшки.

Потом он поставил бокал и поднялся.

— Идём. Покажу.

Он вывел её из библиотеки обратно в коридор и повёл куда-то вбок. Недолго. Коридор вдруг кончился, и они оказались перед стеной, которая не была стеклянной. Это было дерево. Чёрное, резное, огромное. Лира не сразу поняла, что смотрит на раму зеркала. С изнанки. Изнутри. Те же вороны, только развёрнутые спинами к ней. Те же крылья. И на самой нижней перекладине, там, где снаружи было гладкое полированное дерево, здесь шла надпись. Мелкая, вырезанная ножом, старинными буквами с завитками.

Лира присела на корточки, чтобы прочитать.

«Двое в стекле — семь рассветов. На седьмом дверь откроется».

Дальше строчка продолжалась. Но дальше читать было нечего. Слова были выскоблены. Глубоко, грубо, в несколько слоёв, так, что от букв остались только царапины в дереве.

Лира провела по ним пальцем. Края царапин были светлыми. Не потемневшими от времени, как остальная резьба.

Свежими.

— Что здесь было? — спросила она.

— Не знаю, — сказал Эриан у неё за спиной. Ровно. Слишком ровно. — Так было всегда.

Ли́ра оберну́лась и посмотре́ла на него́ снизу́ вверх. Он стоя́л, заложив ру́ки за спи́ну. Ли́цо споко́йное, как гла́дь пруда́.

— Све́жие цара́пины, — сказа́ла она́.

— Зде́сь всё све́жее. Зде́сь ниче́го не ста́реет. Ни дере́во, ни лю́ди. — Он кивну́л на надпи́сь. — Гла́вное ты прочи́тала. Двое́. Семь́ ра́ссветов. Семь́ ле́т зде́сь бы́л один. Тепе́рь двое́. Значи́т, чере́з семь́ ра́ссветов де́верь откро́ется.

— Дл́я ко́го?

— Дл́я дво́их, полага́ю.

«Полага́ю». Ли́ра отме́тила и это́ сло́во. Ми́раэ́ль учи́ла: ко́гда тебе́ объ́ясня́ют пра́вила, слу́шай не пра́вила. Слу́шай, где че́ловек заме́дляется́.

Она́ подня́лась на но́ги.

— А по́ка?

— А по́ка выжи́вать. Ше́сть но́чей. Се́дью́ю то́же.

Ли́ра отве́рну́лась от него́ и подо́шла к бли́жайшей сте́кланной́ сте́не. Своё́ отра́жение она́ прои́гнориро́вала. Отра́жение, впроче́м, прои́гнориро́вало её́ в отве́т: оно́ сиде́ло на полу́, прислони́вшись спи́ной к ра́ме, и рассма́тривало́ свои́ но́гти.

— Не́т, — сказа́ла Ли́ра. — Я не со́бираю́сь жда́ть семь́ ра́ссветов.

Она́ сброси́ла сумку́ с пле́ча. Но́ж оста́лся наверху́, в зале́, в разо́рванном кру́ге. Это́ она́ поня́ла ещё́ в би́блиоте́ке и с тех пор ста́ралась об это́м не ду́мать. Без но́жа нель́зя прове́-

сти линию. Без линии нельзя открыть стекло. Но у неё оставалась соль. И кровь.

Она высыпала соль на ладонь. Капнула сверху крови лунной совы. Смешала пальцем, пока не получилась тёмно-серая каша, пахнувшая железом и морем. И провела этой кашей по стеклу. Длинную ровную линию, сверху вниз, как разрезают ткань.

— Откройся, — сказала она на древнем наречии. Старые, гортанные слова, которые Мираэль заставляла её произносить, пока не начинало саднить горло. — Я Вейл. Кровь Вейлов. Я приказываю. Откройся.

Стекло потемнело по линии. Тонкая трещина побежала сверху вниз, как волос.

Лири почувствовала, как сердце подпрыгнуло. Получается. Получается!

Она нажала на трещину пальцами.

Трещина медленно разошлась. И Лира увидела, что это не трещина. Это рот. Стекланные губы раздвинулись в улыбке, и зеркало засмеялось. Её собственным голосом. Её смехом, который она так редко слышала со стороны.

— Глупая девочка, — сказала зеркало ласково. Её голосом. — Вейлы не открывают двери. Вейлы — это и есть дверь.

Трещина сомкнулась. Стекло снова стало гладким. Только на нём осталась серая полоса соли и крови, медленно стекающая вниз.

Ли́ра стояла неподвижно. Ладо́нь всё ещё лежала на стекле.

— Что это значит? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал Эриан. На этот раз она поверила, что он действительно не знает. В голосе его было что-то новое. Настороженность. — Оно никогда со мной не разговаривало. Семь лет. Ни слова.

Свет вокруг начал меняться.

Ли́ра заметила это не сразу. Сначала ей показалось, что потемнело в глазах. Потом она поняла, что темнеет вокруг. Ровное серое сияние стен, которое шло непонятно откуда, медленно гасло. Как будто кто-то прикручивал фитиль в огромной лампе. Отражения в стенах становились глубже, темнее. Резче.

— Началось, — сказал Эриан.

Он стоял рядом. Уже не за спиной. Рядом, плечом к плечу, не касаясь.

— Прилив?

— Прилив. Слушай меня. Что бы ты ни увидела, это неправда. Это просто стекло. Оно показывает, а не помнит. Не беги. Не трогай стены. Если оно позовёт тебя по имени, не отвечай.

— Почему?

— Потому что ответишь, и оно узнает, где ты.

Свет погас совсем.

Темнота была полной ровно один удар сердца. А потом

стены зажглись снова. Только теперь в них не было отражений Леры.

В них была золотая рама.

Во всех стенах, во всех колоннах, во всех осколках пола. Одна и та же картина, повторённая тысячу раз. Маленькая комната с низким потолком и цветастыми занавесками. Стол, на котором стоял недоеденный ужин. Опрокинутая чашка. И у стены, напротив окна, зеркало в золотой раме. Тяжёлой, вычурной, с завитками и виноградными листьями. Такое зеркало стоило больше, чем весь их дом.

В стекле зеркала была тьма.

А на стекле, изнутри, лежала ладонь. Тонкая женская ладонь с серебряным колечком на безымянном пальце.

— Нет, — сказала Лира. Она не узнала собственный голос. — Нет. Не надо.

Рядом с зеркалом стоял мальчик. Маленький, лет пяти, в синей курточке, застёгнутой не на ту пуговицу. Он стоял и плакал. Тихо, без всхлипов, как плачут дети, которые очень испуганы и уже поняли, что громко плакать бесполезно.

— Лира, — сказал мальчик. Сразу из тысячи стен. — Лира, ты где? Лира, не уходи.

Тьма из зеркала медленно поползла по полу к нему. Как дым. Как чернила, пролитые на скатерть.

— Тео, — прошептала Лира.

Она шагнула вперёд. Не думая. К ближайшей стене. К мальчику в синей курточке, который тянул к ней руки. Ей

шестнадцать лет. Ей нужно только протянуть руку, схватить его за ладошку и вытащить. Это так просто. Нужно было только тогда это сделать. Тогда.

— Лира, — сказал Тео. — Иди сюда.

— Иду, — сказала она.

И стена потянула её к себе.

Это было как тогда, в зале. Стекло стало тёплым и мягким. Ладонь ушла в него. Тьма, которая только что ползла к мальчику, вдруг развернулась и потекла к ней, обвивая запястье, как холодная мокрая верёвка. Мальчик в стекле перестал плакать. Улыбнулся. Улыбкой, которая была слишком широкой для детского лица.

Лира поняла, что не может отнять руку.

Она рванулась. Тьма держала. Она закричала. Тьма поднималась выше, к локтю, к плечу, и там, где она касалась кожи, кожа немела.

Чьи-то пальцы сомкнулись на её запястье. С другой стороны. Снаружи.

И мир вспыхнул.

Не светом. Чем-то другим. Как будто через её руку пропустили молнию. Горячую, электрическую, живую. Она прошла по венам, ударила в сердце, вспыхнула под веками.

И Лира увидела.

Сад. Летний, залитый солнцем. Розы, так много роз, что воздух казался розовым. Скамейка у фонтана. Женщина в светлом платье, с волосами цвета спелой пшеницы, стоит

спиной. Уходит по садовой дорожке. Не оборачиваясь. Ни разу. А внутри у Леры, в груди, в самой середине, что-то медленно, со скрипом ломается. Как ломается лёд на реке весной. Это не её боль. Она знает, что это не её боль. Но она чувствует её, как свою.

Вспышка погасла.

Её рвануло назад. Сильно, почти грубо. Тьма отпустила запястье с влажным, чмокающим звуком. Лира отлетела от стены и врезалась спиной во что-то твёрдое и тёплое. В кого-то.

Эриан Ворн держал её за запястье. Его другая рука была поднята, ладонью к стене. Из ладони лился свет. Серебристый, холодный, острый, как лезвие. Тьма в стене шипела, как вода на раскалённой сковороде, и отползала.

Мальчик в синей курточке исчез. Золотая рама исчезла. Стены снова показывали только тьму, густую и тяжёлую, как бархат.

Эриан опустил руку. Свет погас.

Он дышал так, будто бежал. Тяжело, рвано. Его пальцы всё ещё сжимали её запястье, и там, где они касались кожи, кожа горела. Не болью. Чем-то тёплым, пульсирующим, что расходилось по руке, как круги по воде.

Лира повернулась к нему.

Он был бледен. Не так, как раньше, по-аристократически. Бледен по-настоящему, до серых губ. Над бровью выступила испарина. Он смотрел на неё так, будто увидел не её, а что-

то за ней. Что-то, чего не ожидал увидеть никогда.

Он отпустил её руку. Резко, как будто обжёгся.

— Ты тоже, — сказала Лира. Голос сел. — Ты тоже видел. Когда схватил меня. Я видела сад. Розы. Женщину, которая уходит.

Он не ответил. Смотрел на свою ладонь. На пальцы, которые только что держали её запястье. На них, на самых кончиках, мерцали крошечные серебристые искры. Медленно гасли.

— Что ты видел? — спросила Лира.

Эриан поднял глаза.

— Где ты видела золотую раму? — спросил он.

Голос у него был совсем тихий. И в нём не было ни насмешки, ни холода. Только что-то очень похожее на страх.

ГЛАВА 3. Сделка

— В доме моей матери, — сказала Лира. — Десять лет назад.

Она сама удивилась, как легко это вышло. Десять лет она никому не говорила. Даже Пипу. Даже Мираэль, пока та была жива, они говорили об этом только один раз, в первую ночь, а потом тётя сказала: «Всё. Больше мы к этому не возвращаемся, иначе ты сойдёшь с ума». И они не возвращались.

А сейчас слова просто вывалились. Может, потому что в горле ещё стоял детский голос из стен. «Лира, не уходи».

Эриан Ворн смотрел на неё. Долго. Не мигая.

— Опиши раму, — сказал он.

— Зачем?

— Опиши.

— Золотая. Тяжёлая. Завитки. Виноградные листья, гроздь. Сверху что-то вроде короны. — Лира сглотнула. — В середине короны был камень. Жёлтый. Мама говорила, топаз.

— Не топаз, — сказал Эриан. — Янтарь. С мухой внутри. Лира перестала дышать.

Муха. Крошечная доисторическая муха, застывшая в янтаре над зеркалом. Тео всё время просил посадить его, чтобы посмотреть на неё поближе. Мама не разрешала. Говорила, что это зеркало богатого клиента, и трогать его нельзя.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

Эриан отвернулся. Прошёл несколько шагов вдоль стены, остановился. Снова повернулся к ней.

— Когда мне было девять, отец показал мне книгу. Старый альбом с рисунками. Работы моего прадеда. Десять мастер-зеркал, каждое на отдельном листе. Прадед рисовал их сам, прежде чем делать. — Он говорил медленно, как будто вытаскивал слова откуда-то очень издалека. — Первое было вот это. Вороны, чёрное дерево. Второе было золотым. Виноградные листья. Корона. И янтарь с мухой в середине. Отец сказал, что муха нужна, чтобы зеркало помнило, что всё живое однажды застывает.

— Где оно сейчас? Золотое?

— Не знаю. Оно пропало из нашего дома задолго до моего рождения. Его продали. Или украли. Отец не любил об этом говорить.

Лира опустилась на пол. Прямо на чёрное стекло, скрестив ноги. Ноги её не держали.

Мастер-зеркало. Не простое проклятое стекло, в котором застряла тень. Мастер-зеркало, в котором может жить человек. Целиком.

«Ты держишься семь лет».

«Я держусь семь лет».

— Скажи это, — сказала Лира глухо, глядя в пол. В чёрном стекле её отражение сидело точно так же, скрестив ноги. На этот раз оно повторяло каждое её движение. — Скажи то,

о чём ты сейчас думаешь.

Эриан молчал.

— Мастер-зеркала не убивают, — сказала она за него. — Они держат. Она может быть жива. Внутри. Все десять лет. Ты это хотел сказать?

— Я не знаю, — сказал он тихо. — Я правда не знаю, Лира Вейл. Я знаю только про себя.

Она подняла голову.

— Тогда не говори, — сказала она. — Не смей это говорить. Я десять лет учила себя, что их нет. Десять лет. Если ты сейчас скажешь мне, что, может быть, они там, а потом окажется, что нет...

Голос у неё сорвался. Она закусила губу.

Эриан ничего не сказал. Он стоял и смотрел на неё сверху вниз, и в лице его не было больше ни холода, ни насмешки. Он просто смотрел. А потом медленно, как будто суставы у него заржавели, опустился на пол напротив неё. Тоже скрестив ноги. На расстоянии вытянутой руки.

— Не скажу, — сказал он.

Они сидели так молча. Тьма в стенах медленно светлела. Прилив уходил, она это чувствовала кожей: воздух становился легче, металлический привкус на языке слабел. Где-то далеко, в глубине коридоров, что-то вздохнуло, будто огромный сытый зверь улёгся спать.

— Оно ушло? — спросила Лира.

— На сегодня. Ты держалась.

— Я не держалась. Ты меня вытащил.

— Это тоже считается.

— А тебе? — Она посмотрела на его руку. На ладонь, из которой лился свет. — Тебе это чего-то стоило?

Он сжал руку в кулак и спрятал за спину. Жест вышел почти детский.

— Ничего такого, о чём стоит говорить.

— Здорово врёшь, — сказала Лира. — Убедительно.

— Не тебе меня учить, — сказал голос за её спиной.

Голос Эриана. Только ниже, грубее, с хрипотцой, как будто им долго кричали. Лира резко обернулась.

В стене за её спиной стоял Эриан Ворн.

То же лицо. Те же скулы, те же чёрные волосы до плеч, тот же камзол с серебряными воронами на обшлагах. Только камзол был расстёгнут, рубашка под ним распахнута до середины груди, а волосы спутаны так, будто он неделю спал на сеновале. И глаза. Глаза были полностью чёрными. Без белков, без радужки, без единой серебристой искры. Две капли туши на бледном лице.

Он стоял, прислонившись плечом к раме изнутри стекла, и широко улыбался.

— Привет, маленькая ведьма, — сказал он. — Наконец-то гости. Ты не представляешь, как мне надоело разговаривать только с ним. Семь лет одно и то же. «Замолчи», «уйди», «я не буду тебя слушать». Скучнейший собеседник во всём Эриданте.

Ли́ра поднялась на ноги. Пятилась, пока не упёрлась плечом в настоящего Эриана, который тоже уже стоял.

— Кто это? — спросила она, не отводя взгляда от стены.

— Не слушай его, — сказал Эриан. Голос у него стал жёстким, как лёд на пруду. — Он...

— Я его лучшая половина, — перебил двойник в стекле. — Честная. Он отрезал меня семь лет назад и запер здесь, как пса на цепи. Потому что я говорю правду, а он не любит правду. Ты, кстати, тоже не любишь. Вы вообще удивительно подходите друг другу.

Он склонил голову набок и посмотрел на Лиру. Чёрные глаза медленно прошли по её лицу, по шее, по мокрому плащу.

— Знаешь, что он подумал, когда ты появилась? — спросил двойник доверительно. — Когда ты стояла тут на коленках, мокрая, и ругалась? Он подумал...

Серебряный свет ударил в стекло. Двойник засмеялся и исчез. Просто растворился, как туман, и смех его ещё долго гулял по коридорам, затихая.

Эриан опустил руку. Свет погас. Пальцы его подрагивали.

— Кто это был? — повторила Ли́ра.

— Тень, — сказал он коротко.

— Твоя тень?

— Моя.

— Он сказал, что ты его отрезал. Что это значит?

Эриан повернулся к ней. Лицо снова было закрыто. Спо-

койное, гладкое, как стекло.

— Это значит, что мне нужно сделать тебе одно предложение, — сказал он. — И чем быстрее, тем лучше. Пока он не вернулся.

Лира скрестила руки на груди.

— Слушаю.

— Сделка, — сказал Эриан. — На семь ночей. Как деловые люди. Ты ведь деловая, ты сама сказала.

— Я не помню, чтобы я это говорила.

— Ты это сказала лицом. — Он начал загибать пальцы. — Первое. Ты не пытаешься разбить стекло силой. Ни солью, ни кровью, ни древним наречием. Ты видела, что случилось. Ты провела линию, и прилив пришёл раньше времени. Зеркало любит, когда с ним дерутся. Это его кормит.

Лира открыла рот, чтобы возразить. И закрыла. Он был прав. Прилив начался ровно после того, как засмеялась трещина.

— Второе. Во время прилива мы вместе. Каждую ночь. Ты не уходишь одна в коридоры, не прячешься в библиотеке, не ищешь выход. Одну тебя оно съест за полчаса. Вдвоём есть шанс.

— Почему ты хочешь мне помочь?

Он помолчал секунду.

— Потому что двое — это семь рассветов, — сказал он. — Если оно съест тебя, я снова останусь один. А мне здесь, поверь, очень надоело одному.

Это была правда. Лира видела. Но это была не вся правда. Она видела и это тоже.

— Третье, — продолжил Эриан. И тут он вдруг замолчал. Отвёл взгляд. Посмотрел куда-то на стену, где только что смеялся двойник. — Третье. Я тебя не трону. Ни разу. Только если придётся вытаскивать, как сегодня. А так нет.

— Очень благородно, — сказала Лира.

— Пока ты сама не попросишь.

Лира засмеялась.

Это вышло само. Громко, на весь коридор, совершенно неуместно. Смех отразился от стен и вернулся к ней десятком голосов. Она зажала рот рукой.

— Прости, — сказала она сквозь пальцы. — Прости. Просто это очень... Ты серьёзно? Ты думаешь, я попрошу?

— Я ничего не думаю, — сказал он сухо. — Я ставлю условие.

— Не дождёшься, Ворн.

Что-то мелькнуло у него в лице, когда она сказала «Ворн». Короткое, почти незаметное облегчение.

— Четвёртое, — сказал он. — Последнее. Ты не называешь меня по имени.

Лира перестала смеяться.

— Почему?

— Потому что имена здесь имеют вес, — сказал он. — Зеркало слушает. Когда ты зовёшь кого-то по имени, ты говоришь ему, где он. Зови меня как хочешь. Ворн. Хозяин.

Проклятый аристократ. Только не по имени.

Это тоже была не вся правда. Лира это почувствовала так же ясно, как чувствовала холод от пола. Но она не стала спрашивать. У неё было своё условие.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда моё. Пятое. Когда я спрашиваю тебя прямо, ты отвечаешь правду.

Он молчал.

— Не всё, — сказала Лира. — Я не прошу рассказывать мне всё. У тебя свои тайны, у меня свои. Но если я задаю тебе прямой вопрос, глядя в глаза, ты отвечаешь честно. Или говоришь: «не отвечу». Но не врёшь.

Эриан смотрел на неё долго. Лира видела, как он думает. Как взвешивает. Как что-то внутри него сопротивляется.

— Когда ты спросишь прямо, — сказал он наконец медленно, — я отвечу правду.

— Клянёшься?

— Клянусь.

Он протянул руку. Как деловые люди. И тут же, словно вспомнив, отдёрнул её. Третье условие.

Лира посмотрела на его руку. На бледные пальцы, на которых ещё мерцали последние серебристые искры.

— Сделка, — сказала она, не протягивая своей. — Семь ночей.

— Шесть, — поправил он. — Одна уже кончилась.

Где-то далеко, на самой границе слуха, засмеялась Тень.

Пип проснулся от того, что Сургуч сидел у него на лице.

Это был единственный способ, которым трёхлапый кот умел сообщать, что пора завтракать. Пип спихнул его, сел на своём тюфяке в углу мастерской и несколько секунд тупо смотрел на холодную печь, пытаясь понять, что не так.

Потом понял.

Печь была холодная. А хозяйка всегда разжигала печь в шесть утра, ещё до того, как он просыпался. Даже в те дни, когда возвращалась за полночь. Даже когда болела. Это было правило. Такое же железное, как соль на пороге и перчатки на руках.

— Хозяйка? — позвал Пип.

Мастерская ответила тишиной. Узкий высокий зал под крышей старого дома на Кожевенной, заставленный зеркалами в чехлах. Верстак у окна. Сушилка с травами. Ширма, за которой стояла кровать хозяйки. Пип заглянул за ширму. Кровать была застелена. Ровно, гладко, с подушкой, взбитой вчера утром.

Она не возвращалась.

Пип поставил на огонь кашу. Покормил Сургуча. Подождал. Каша пригорела, потому что он забыл её помешать, пока смотрел в окно на улицу. Хозяйка не пришла.

В девять он надел свою куртку, натянул кепку до бровей и вышел под дождь.

До улицы Сломанных Зеркал было полчаса пешком, если идти по-человечески, и двадцать минут, если по-пиповски: через дворы, по чужим заборам, через крышу пекарни и по

мосткам над красильным рвом. Пип шёл по-пиповски. Он знал, куда вчера ушла хозяйка. Он сам переписывал для неё адрес из письма. «Особняк лорда Кассандра Ворна. Девять вечера. Оплата двойная, аванс прилагается».

Аванс был хороший. На эти деньги хозяйка купила ему сапоги. Настоящие, кожаные, без дыр. Первые в его жизни сапоги, которые он не украл.

Сапоги сейчас промокли насквозь.

Особняк стоял в конце улицы, серый, мокрый и угрюмый, с воронами на крыше. Пип взлетел на крыльцо и заколотил в дверь кулаком. Бронзовый молоток в виде вороньей головы он проигнорировал. Не любил, когда на него смотрят.

Дверь открылась не сразу. На пороге появился человек в чёрном сюртуке, с лицом, похожим на оплывшую свечу.

— Чем могу служить? — спросил он таким тоном, будто служить не собирался ничем и никогда.

— Я за хозяйкой, — сказал Пип. — Лира Вейл. Зеркальная ведьма. Она вчера к вам приходила.

— Госпожа Вейл закончила работу в одиннадцать вечера, получила расчёт и ушла через сад, — сказал человек со свечным лицом. Ровно, как по бумажке. — Больше её здесь нет.

Пип открыл рот. И тут взгляд его упал вниз. На порог. На тонкую серую дорожку соли, пересекающую порог от косяка до косяка.

Ровную. Целую. Без единого следа.

Пип знал это правило так же, как своё имя. Хозяйка по-

вторяла его каждый раз, когда брала его с собой на работу. «Если соль цела, значит, никто не переступал. Ни туда, ни обратно. Если я выйду, я её разрушу. Если её разрушит кто-то другой, значит...»

— Врёте, — сказал Пип.

Человек со свечным лицом посмотрел на него сверху вниз.

— Прошу прощения?

— Врёте! — Пип ткнул пальцем в соль. — Она не выходила! Если б она вышла, соль бы рассыпалась! Хозяйка всегда выходит через ту же дверь, через которую вошла! Всегда! Это правило! Что вы с ней сделали?!

— Молодой человек, — сказал слуга. Голос у него не изменился ни на волос. — Госпожа Вейл ушла через сад. Я сам её провожал. Если вы немедленно не покинете крыльцо, я позову стражу.

И закрыл дверь.

Пип стоял под дождём, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

Потом развернулся и побежал.

Здание Зеркальной коллегии стояло на Площади Отражений, в самом центре Эриданта. Белый мрамор, колонны, широкая лестница, по которой спускались и поднимались люди в серых мантиях с серебряной каймой. Над входом висело огромное круглое зеркало в простой стальной раме. Говорили, что оно видит каждого, кто входит. И запоминает.

Пип никогда сюда не входил. Карманники обходили Коллегию стороной. Но сегодня он взлетел по лестнице, проскочил мимо стражника, нырнул в огромный гулкий холл и встал в очередь к окошку, над которым висела табличка «Приём жалоб и заявлений».

Очередь двигалась медленно. Пип успел трижды проклясть всех чиновников мира, пересчитать колонны в холле и мысленно стащить кошелёк у толстого господина впереди. Мысленно. Хозяйка запретила по-настоящему.

Когда он наконец дошёл до окошка, за ним сидел скучающий молодой человек с напмаженными волосами.

— Пропала ведьма, — выпалил Пип. — Лира Вейл. Четвёртая категория. Ушла вчера на заказ и не вернулась. Её заперли в доме лорда Кассандра Ворна, на улице Сломанных Зеркал, я точно знаю, соль на пороге целая, а слуга врёт...

Молодой человек с напмаженными волосами посмотрел на Пипа так, как смотрят на таракана в супе.

— Ты кто такой?

— Ученик. Филипп. Пип.

— Ученик, — повторил чиновник. — Значит, ты несовершеннолетний. Значит, заявление подавать не можешь. Значит, иди отсюда. Следующий!

— Но она пропала!

— Ведьмы четвёртой категории постоянно пропадают, мальчик. Уезжают к любовникам, сбегают от долгов, спиваются. Найдётся. Следующий!

Пип вцепился в край окошка.

— Я никуда не пойду, пока вы не...

— Я приму.

Голос был женский, негромкий, но очень отчётливый. Пип обернулся.

Рядом стояла девушка. Невысокая, в серой мантии без каймы, какие носили младшие служащие. Каштановые волосы стянуты в тугой пучок, на носу круглые очки в тонкой оправе, по щекам рассыпаны веснушки. Пальцы испачканы чернилами до второй фаланги. В руках стопка папок высотой с неё саму.

— Ада, — сказал напوماженный чиновник с раздражением, — ты из архива. Это не твоё окошко.

— Регламент коллегии, пункт четырнадцатый, — сказала девушка ровно. — «Заявление о пропаже лицензированной ведьмы принимается от любого лица, имеющего сведения о пропаже, вне зависимости от возраста и сословия». Хочешь, принесу тебе регламент? Он у меня в архиве. Третья полка снизу.

Чиновник покраснел.

Девушка по имени Ада поставила свои папки на край стойки. Вытащила откуда-то чистый бланк. Достала из-за уха перо.

— Имя ведьмы? — спросила она у Пипа.

— Лира Вейл.

Перо на мгновение замерло над бумагой. Ада подняла гла-

за.

— Вейл? — переспросила она. — С Кожевенной? Высокая, тёмные волосы, ругается?

— Она, — сказал Пип. — Вы её знаете?

— Она чистила зеркало моей бабушки, — сказала Ада. И снова опустила глаза к бумаге. — Три года назад. Бабушка была уверена, что в трюмо живёт дедушка и ругается на неё по ночам. Госпожа Вейл провела там две ночи. Вытащила какую-то мелкую тень, совсем не дедушку. И не взяла ни монеты, потому что бабушке нечем было платить.

Она быстро, чётко, ровным почерком заполнила бланк. Имя. Категория. Номер лицензии. Адрес, где видели в последний раз. Обстоятельства.

— Соль на пороге цела? — уточнила она.

— Цела.

Ада кивнула и записала и это. Подчеркнула дважды.

— Заявление принято, — сказала она, протягивая Пипу корешок. — Номер триста восемнадцать. Его рассмотрят в течение...

— Я заберу, Ада.

Над ними стоял ещё один человек. Пип не заметил, как он подошёл. Высокий, худой, лет пятидесяти, в серой мантии с широкой серебряной каймой. Узкое лицо, гладко зачёсанные седые волосы, тонкие губы. На груди серебряная цепь с круглым медальоном, в котором вместо камня было вставлено крошечное зеркало.

Ада побледнела так, что веснушки стали казаться нарисованными.

— Господин секретарь, — сказала она. — Я...

— Я вижу. — Господин секретарь взял бланк со стойки двумя пальцами. Пробежал глазами. Брови его чуть приподнялись на словах «лорд Кассандр Ворн». — Очень рьяно, Ада. Очень похвально. Я сам прослежу за этим делом.

Он сложил бланк пополам. Потом ещё раз. Потом медленно, аккуратно разорвал его надвое. И ещё раз. И уронил клочки в корзину для бумаг у стойки.

Потом посмотрел на Пипа.

И улыбнулся.

Пип в своей жизни видел много улыбок. Улыбку пекаря, у которого он стащил булку. Улыбку стражника, который поймал его за руку на рынке. Улыбку хозяйки, когда он впервые прочитал по слогам целую страницу. Эту улыбку он видел впервые. От неё у него свело желудок.

— Иди домой, мальчик, — сказал господин секретарь мягко. — Твоя госпожа вернётся. Обязательно вернётся. А ты иди домой и жди. И никуда больше не ходи. Понимаешь меня?

Пип смотрел на него.

Потом на Аду. Ада стояла, вцепившись в свои папки, и смотрела в пол. Губы у неё были сжаты в тонкую линию.

— Понимаю, — сказал Пип.

Он развернулся и пошёл к выходу. Не побежал. Пошёл.

Медленно, руки в карманы. Как ходил по рынку, когда в кармане у него лежал чужой кошелёк, а за спиной стоял стражник.

Он не видел, как господин секретарь проводил его взглядом до самых дверей. Не видел, как тот повернулся и пошёл к широкой мраморной лестнице, ведущей на третий этаж. Туда, куда младшим служащим подниматься запрещалось.

Кабинет на третьем этаже был белым. Белые стены, белый ковёр, белые розы в высокой вазе на подоконнике. Розы стояли здесь всегда, в любое время года. Никто в Коллегии не знал, откуда их приносят.

За белым столом сидела женщина.

Светлые волосы, уложенные в высокую причёску, ни одной выбившейся пряди. Тёмно-серое платье с высоким воротом. Гладкая кожа без единой морщинки. Ей можно было дать двадцать пять. Тем, кто видел её впервые. Тем, кто служил в Коллегии больше десяти лет, давно перестало казаться, что это странно.

На руках у неё были белые перчатки. Она не снимала их никогда.

Перед ней лежало письмо. Сложенное вчетверо, со следами песка на чернилах.

— Госпожа Председатель, — сказал секретарь, закрыв за собой дверь. — Мальчишка. Ученик Вейл. Подавал заявление о пропаже. Я разорвал.

— Хорошо, Ольст, — сказала Селеста, не поднимая глаз

от письма.

— Он видел соль на пороге.

Тогда она подняла глаза. Серые, холодные, как вода в зимнем канале.

— Сколько ему?

— Лет тринадцать-четырнадцать. Уличный, судя по повадкам. Упрямый.

Селеста аккуратно сложила письмо Кассандра. Провела пальцем в белой перчатке по сгибу, разглаживая.

— «Дверь закрылась», — сказала она негромко, будто пробуя слова на вкус. — Первый рассвет уже был. Значит, осталось шесть.

Она поднялась из-за стола и подошла к окну. Внизу, на Площади Отражений, под дождём, маленькая фигурка в кепке быстро шла через площадь. Не оглядываясь. Руки в карманах.

— Найдите мне его, Ольст, — сказала Селеста. — Тихо. Без шума. Мне не нужны свидетели к седьмому рассвету.

— А если он не захочет идти?

Селеста смотрела на мальчика внизу, пока он не скрылся в переулке. Потом потрогала белую розу на подоконнике. Лепесток отломился и упал на пол.

— Дети всегда хотят идти, — сказала она. — Нужно только правильно позвать.

ГЛАВА 4. Гнев

Ли́ра просну́лась в кресле у беззвучного камина, с затёкшей шеей и твёрдым убеждением, что убьёт кого-нибудь до вечера.

Она не помнила, как уснула. Помнила, что сидела в библиотеке, поджав ноги, и смотрела на огонь, который не грел. Помнила, что Эриан Ворн сидел в соседнем кресле с пустой книгой на коленях и не переворачивал страниц. Помнила, что решила не закрывать глаза ни на секунду, пока он рядом.

Потом, видимо, закрыла.

Кресло напротив было пустым. На подлокотнике её кресла лежал сложенный плед. Тёмно-зелёный, шерстяной, с бахромой. Она точно помнила, что вчера пледа здесь не было.

Ли́ра смотрела на него с подозрением целую минуту. Потом всё-таки завернулась. Плед был тёплым. Единственная тёплая вещь в этом холодном стеклянном мире.

— Не благодари, — сказала она вслух пустой библиотеке. Библиотека промолчала.

Свет был ровным, серым, без теней. Серые часы, вспомнила Ли́ра. Время, когда ничего не происходит. Она выпуталась из пледа, потянулась так, что хрустнуло в спине, и решила, что раз уж ничего не происходит, то она будет происходить сама.

Первым делом она попробовала построить себе комнату.

«Зеркало строит то, что ты помнишь достаточно хорошо». Лира вышла в коридор, встала перед гладкой стеклянной стеной, закрыла глаза и стала вспоминать мастерскую на Кожевенной. Скошенный потолок. Верстак у окна, весь в царапинах и пятнах от воска. Пучки полыни и чертополоха под потолком. Ширма с выцветшими журавлями. Скрипучая третья половица у двери.

Она вспоминала изо всех сил. До звона в ушах.

Открыла глаза.

Перед ней стояла дверь. Её дверь, с облупившейся зелёной краской и ручкой, которую Пип однажды оторвал и прибил обратно гвоздём. Лира открыла её, затаив дыхание.

Мастерская была. Почти. Верстак стоял на потолке. Ширма с журавлями висела в воздухе, медленно поворачиваясь. Пучки трав росли из пола, как живые кусты. Окно было на месте, но за ним виднелась не улица, а та же самая мастерская, только перевёрнутая, а в ней, за верстаком на потолке, сидела ещё одна Лира и смотрела на неё с таким же ошарашенным выражением.

— Неплохо для первого раза, — сказали у неё за спиной.

Лира обернулась. Эриан Ворн стоял в коридоре, прислонившись плечом к стене, и смотрел мимо неё на летающую ширму. Лицо у него было совершенно серьёзным. Только уголок рта подрагивал.

— Не смей, — сказала Лира.

— Я ничего не сказал.

— Ты думал.

— Я думал, что моя первая библиотека тоже стояла вверх ногами, — сказал он. — И в ней шёл снег. Изнутри шкафов. Я три дня не мог понять, откуда снег.

— И откуда?

— Мне было восемь, когда отец впервые пустил меня в библиотеку. Была зима. Я помнил её холодной. — Он пожал плечами. — Зеркало помнит не вещи. Зеркало помнит, как тебе в них было.

Лира посмотрела на свою перевёрнутую мастерскую. Верстак на потолке. Травы из пола. Всё вверх дном, всё вывернуто наизнанку.

Как ей было в мастерской последние десять лет.

Она быстро закрыла дверь.

Что-то мягко толкнулось ей в ногу. Лира опустила глаза и замерла.

У её сапог сидел кот. Трёхлапый, с рваным ухом и наглой мордой. Сургуч. Только сделанный из стекла. Прозрачный, как бутылка, с мутными зеленоватыми прожилками там, где у настоящего Сургуча были полосы. Стекланный кот задрал голову, посмотрел на неё стеклянными глазами и беззвучно открыл рот.

Мяукнул. Без звука.

Лира присела на корточки. Протянула руку. Кот ткнулся в ладонь холодным стеклянным лбом и замурлыкал. Она почувствовала мурлыканье пальцами, как дрожь, хотя не услы-

шала ничего.

— Ты моего кота сюда притащила, — сказал Эриан. Он больше не прятал улыбку.

— Это не я. Он сам.

— Он сам не может. Ты его очень хорошо помнишь.

Лира гладила холодную стеклянную спину и чувствовала, как к горлу подкатывает что-то горячее. Глупо. Невероятно глупо реветь из-за стеклянного кота.

— У меня там ученик, — сказала она, не поднимая головы. — Пип. Ему четырнадцать. Я подобрала его на рынке два года назад, когда он пытался срезать у меня кошелёк. Он не умеет готовить. Он сожжёт кашу, потом мастерскую, потом полквартиры. А кот будет сидеть на подоконнике и смотреть, как всё горит, потому что он ленивая скотина и его никто не кормит.

Стеклянный Сургуч перевернулся на спину и подставил живот. Настоящий никогда так не делал.

— Расскажи про окна, — сказала Лира.

Эриан поднял бровь.

— Какие окна?

— Ты говорил, что каждый раз, когда кто-то подходит к зеркалу снаружи, ты прижимаешь руку к стеклу. Значит, ты видишь, когда подходят. Значит, где-то отсюда видно наружу. Где?

Он помолчал. Потом кивнул.

— Идём.

Окно оказалось недалеко. Или далеко. Лира уже не пыталась понять. Просто в какой-то момент одна из стеклянных стен перестала отражать коридор. За ней был зал. Главный зал особняка Ворнов, только видимый с другой стороны. Изнутри зеркала. Перевернутый, как всё здесь: камин справа вместо слева, окна не там, где должны быть. Пыльные чехлы на креслах. Тусклая люстра. Её собственные следы в пыли, которые вели к самому стеклу и обрывались.

Был вечер. За высокими окнами зала было темно, по стёклам ползли капли.

— Прошли целые сутки, — сказала Лира. — Там уже снова вечер.

— Здесь время течёт медленнее. Или быстрее. Зависит от прилива.

В зале кто-то был.

Лира прижалась к стеклу ладонями. В кресле напротив зеркала, прямо посреди зала, сидел лорд Кассандр. Он сам стащил с кресла чехол и бросил на пол. Перед ним на полу стояла бутылка. Тёмная, почти пустая. В руке он держал бокал.

Он смотрел прямо в зеркало. Прямо на них. Но не видел. Лира поняла это по его глазам. Мутным, пьяным, смотрящим сквозь.

Губы его шевелились. Звук доносился глухо, как из-под воды. Лира прижалась ухом к стеклу.

«...второй вечер. Второй, Ивлин. Ещё пять. Она обещала.

Пять вечеров, и всё. Ты простишь меня. Ты же всегда меня прощала...»

Он поднял бокал. К зеркалу. Как будто пил за чьё-то здоровье. И осушил его одним глотком.

Лира отстранилась от стекла. Повернулась к Эриану.

Он стоял неподвижно. Смотрел на человека в кресле. И лицо его было совершенно белым.

— Дядя, — сказал он тихо.

Лира вспомнила портреты в коридоре. Те же острые скулы. Те же светлые глаза. Пустое место на стене и четыре дырки от гвоздей.

«Племянник его светлости».

— Он твой дядя, — сказала она медленно. — Лорд Кассандр — твой дядя.

Эриан не ответил. Он смотрел на старика в кресле так, как смотрят на родное лицо в толпе на чужбине. С надеждой, с болью, с какой-то детской растерянностью.

— Он приходит сюда каждый вечер, — сказал Эриан. — Последние годы. Садится и пьёт. Я думал... Я всегда думал, что он скорбит. Что он не знает, что со мной случилось. Что для него я просто пропал. Уехал.

Лира закусила губу.

Можно было промолчать. Это было бы милосердно. Это было бы правильно, наверное. Человек семь лет сидит в стекле, и единственная живая душа, которая к нему приходит, это пьющий старик, которого он любит. Можно было оста-

вить ему хотя бы это.

Мираэль говорила: «Правда, сказанная вовремя, это лекарство. Правда, сказанная поздно, это яд. А молчание — это яд, который ты пьёшь сама».

— Он не скорбит, — сказала Лира. — Он меня сюда заманил.

Эриан повернул голову.

— Что?

— Он стоял у окна, когда меня тянуло в стекло. Я кричала. Он не двинулся с места. Ни к двери, ни к слугам, ни ко мне. Просто стоял и смотрел. А потом сказал: «Прости, девочка. Мне правда очень жаль».

Она говорила и видела, как меняется его лицо. Как надежда в нём гаснет. Не сразу. Медленно. Как гаснет свет в серые часы.

— И сейчас он говорит со своей женой, — закончила Лира. — С Ивлин. Говорит, что осталось пять вечеров. Что «она обещала». Я не знаю, кто такая «она». Но твой дядя ждёт, когда пройдут семь рассветов. Он знает, что мы здесь. Он знает, что здесь ты.

Эриан смотрел на неё. Потом снова на стекло. На старика в кресле, который наливал себе остатки из бутылки.

Он ничего не сказал. Просто развернулся и ушёл. Быстро, не оглядываясь, по стеклянному коридору, пока его шаги не затихли.

Лира стояла у окна одна. Стекланный Сургуч тёрся о её

сапоги.

Свет начал гаснуть.

Она нашла его в библиотеке. Он стоял у камина, упираясь обеими руками в каминную полку, и смотрел в беззвучный огонь.

— Прилив, — сказала Лира. — Ты сам говорил: во время прилива мы вместе. Второе условие.

— Я помню свои условия, — сказал он, не оборачиваясь.

— Хорошо. Тогда я здесь.

Она села в своё кресло, завернулась в зелёный плед. Свет гас. Огонь в камине становился выше, ярче, и Лира вдруг увидела, что он больше не беззвучный. Он трещал. Громко, зло, как сырые дрова. И был красным. Не оранжевым, как положено огню. Красным, как кровь.

— Сегодня гнев, — сказал Эриан. — Прекрасно. Просто прекрасно.

— Почему ты не сказал мне про дядю?

Слова вылетели сами. Лира не собиралась их говорить. Она собиралась сидеть тихо и держаться. Но слова вылетели, и вместе с ними что-то горячее поднялось в груди, к горлу, к щекам.

Эриан обернулся.

— Не сказал что?

— Что это его дом. Его зеркало. Что твой родной дядя стоит наверху и считает рассветы.

— Я не знал!

— Ты знал! — Лира вскочила, плед упал на пол. — Ты знал, что тебя кто-то сюда засунул! Ты семь лет смотрел, как он приходит и пьёт у зеркала! Ты не спросил себя ни разу, почему он не зовёт других ведьм? Почему не продаёт этот проклятый дом? Почему не разобьёт это стекло к демонам?

— Потому что он мой дядя! — Голос Эриана ударил по стенам, и стены отозвались звоном. — Потому что он учил меня ездить верхом! Потому что он единственный, кто пришёл на похороны моего отца трезвым! Потому что я не хотел знать, ведьма! Ты понимаешь это? Есть вещи, которые лучше не знать!

— Есть вещи, которые лучше знать, чем умирать от них!

— Как надпись на раме? — Он шагнул к ней. — Ты вчера весь вечер смотрела на меня так, будто я её сам выскоблил. Тебе, конечно, виднее. Ведь ты всегда всё знаешь. Ты так хорошо всё знаешь, что сунула голую руку в проклятое стекло. Без перчатки. Без имени. Как первокурсница.

Лира задохнулась.

Огонь в камине взревел. Стены библиотеки дрогнули. Лира не обратила внимания. Ей было всё равно. Внутри у неё полыхало, и это было даже приятно. Как будто что-то, что десять лет лежало в груди холодным камнем, вдруг раскалилось докрасна.

— Я сунула руку, потому что увидела ладонь! — закричала она. — Твою ладонь! Я подумала, что там человек! Что там кто-то, кого надо вытащить! А там оказался ты! Надмен-

ный, холодный, полный тайн аристократ, который не может даже сказать, что ему больно, потому что гордость застряла у него в горле!

Она схватила со столика графин и швырнула в него.

Он увернулся. Графин ударился в стеллаж за его спиной и разлетелся вдребезги. Тёмное вино потекло по корешкам пустых книг, как кровь.

Шкаф дрогнул. И сдвинулся. На целую ладонь ближе к центру комнаты.

— Ах ты... — Эриан выпрямился. Глаза у него вспыхнули серебром. — Ты знаешь, сколько я этот графин вспоминал? Полгода! Полгода, чтобы вспомнить, какая на нём была гравировка!

— Мне всё равно!

— Тебе всегда всё равно! Тебе всё равно, что кто-то семь лет...

— Ещё, — прошептал голос из стен.

Хриплый, довольный, смеющийся. Тень. Она стояла в каждом стекле библиотеки, во всех зеркальных дверцах шкафов, в тёмном стекле окна, и хлопала в ладоши. Беззвучно, медленно.

— Ещё, — повторила Тень. — Давайте, давайте. Ещё немного. Вы так прекрасно злитесь. Я не ел так вкусно семь лет.

Лира огляделась.

Библиотека сжималась.

Стеллажи придвинулись к центру. Потолок опустился так низко, что она могла бы коснуться его, подняв руку. Кресла уже упирались друг в друга спинками. Камин был в двух шагах. Окно в одном. Стены двигались медленно, неотвратно, с тихим скрипом стекла о стекло. Как челюсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.